
А. В. МАЛЬГИН

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ В КОНЦЕ XVIII в. В СВЕТЕ МОТИВОВ ИМПЕРСКОЙ ЭКСПАНСИИ

230 лет назад Российская империя присоединила Крымское ханство. В течение всего этого времени взгляд на ход данного процесса в отечественной историографии и общественной мысли неоднократно менялся. В публикуемой статье предпринимается попытка рассмотреть этот важнейший в истории юго-востока Европы факт как результат своеобразной неудачи первоначального имперского проекта конструирования политической архитектуры в Северном Причерноморье второй половины XVIII в.

***Ключевые слова:** Российская империя, Османская империя, Крымское ханство, Северное Причерноморье, экспансия, аннексия, протекторат.*

Начнем с сюжета, не относящегося к екатерининской эпохе. В 1849 г. капитан Г. И. Невельской установил российский флаг в устье Амура. Этот поступок, совершенный офицером в нарушение инструкций непосредственного командования и российского МИДа, угрожал серьезной дестабилизацией в отношениях России с Китаем и Японией. Когда Николаю I доложили о таком должностном проступке, император, как передает легенда (поскольку в действительности события развивались несколько иначе), сказал: «Невельского – наказать, но флаг оставить, ибо где раз уже поднят русский флаг, он более спускаться не должен». Эта история вспоминается мне всякий раз, когда речь заходит о таком явлении, как имперская экспансия. Обычно она рассматривается как результат некоего коллективного стремления – правящего ли класса, государства ли «в целом» – к расширению пространственных границ. Совершенно очевидно, что в этой истории нет именно выраженного стремления. Иначе мы должны будем предположить, что морской лейтенант лучше представлял интересы российских верхов, чем Министерство иностранных дел государства. Честолюбивым офи-

цером двигало стремление отличиться. Император посчитал нужным согласиться со сложившимся положением дел.

Однако теперь в учебниках истории мы можем прочесть, что в середине XIX в. Российская империя совершила важный акт имперской экспансии, основав поселение на Тихом океане. Эта история показывает, что связь экспансии с неким коллективным стремлением к расширению вовсе не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Это ставит нас лицом к лицу с проблемой мотивов имперской экспансии.

Считается само собой разумеющимся, что суть бытия империи лежит в расширении. Верна ли эта точка зрения или нет – мы не будем с ней спорить. Расширение является способом существования империи. Проблема заключается в другом: принимая эту точку зрения, мы часто именно в ней находим обоснование экспансии. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.» Мы видим в ней как бы естественный процесс: империи расширяются потому, что расширяются. Уже Ленин не был удовлетворен этой точкой зрения и предложил в качестве объяснения империостроительства конца XIX – начала XX в. свое понимание кризиса традиционного капитализма, базировавшееся в свою очередь на представлении об определенных интересах правящих классов и групп.

Опубликованная в журнале «История и современность» интересная статья В. В. Дубовицкого (2010) о мотивах русской экспансии в Средней Азии, отталкивающаяся от знаменитых ленинских представлений, показывает, что реальный исторический материал довольно сложно редуцируем к абстрактным и часто идеологически окрашенным построениям. Прозрения классиков зачастую оказываются основанными на простом игнорировании исторических фактов, от которых не так-то просто бывает перейти к геополитическим выводам. Аналогичную проблему относительно истории США хорошо описал в свое время А. Шлэзингер-младший (1992), много и интересно рассуждавший об американском империализме. Экспансия часто предшествует осознанию интересов, а зачастую ее характер вполне может быть описан как иррациональный¹.

¹ Иррациональный не означает бессмысленный, скорее его можно определить как просто безудержно витальный. Вот, например определение того же Шлэзингера: «Империю создает динамика мощи... Империализм проявляется тогда, когда на пути у сильного государства»

У нас нет, к сожалению, возможности подискутировать с Дубовицким, хотя нам трудно согласиться с целым рядом его объяснений, однако он совершенно верно обращает наше внимание на такой мотив экспансии, как состояние среды, в которую она направлена.

Здесь речь идет не о тривиальном соображении, что захваты обуславливаются слабостью подвергшейся оккупации стороны. Основная мысль в другом: империя оказывается вынуждена действовать определенным образом, например для сохранения стабильности на своих границах, притом что исчерпаны или не найдены другие способы разрешения конфликтов. Иногда стремление к стабилизации может быть вовсе не связано с групповыми интересами и даже противоречить им. Наконец, импульс, «запрос на экспансию» иногда впрямую может посылаться из той среды, на которую затем распространяется экспансия, и империя далеко не сразу может даже распознать его, как это было, например, в длительной истории кабардино-российских отношений или во взаимоотношениях Богдана Хмельницкого с царем Алексеем Михайловичем в середине XVII в.

Зачастую экспансию движут вовсе не геополитические (интересы, идеи), а вполне утилитарные мотивы (обстоятельства), о чем уже говорилось в литературе по этой проблематике, как отечественной (см., например: Ульяновский 1883), так и зарубежной.

Другая проблема, непосредственно касающаяся темы статьи, – конкретные формы экспансии. Политика России в Польше и Финляндии на протяжении всего XIX в. резко различалась, хотя мы имеем дело с политикой одной страны и одного времени. Совершенно ясно, что эти отличия обусловлены целым комплексом причин. Но в обоих случаях мы имеем дело с феноменом экспансии, который отнюдь не всегда синонимичен завоеванию, аннексии. Наконец, существует настолько значительное различие между типами имперской экспансии, практиковавшимися, скажем, Британией,

ва появляется слабое государство, плохо защищенная граница или вакуум силы. Тогда более мощное государство использует свою превосходящую силу для достижения своих собственных целей. Мотивы, обоснования и методы варьируются в зависимости от уровня культуры и технологий... Первым условием и главным источником империализма является неравенство сил» (Шлэзингер 1992: 226).

Францией и Россией на протяжении одного и того же исторического периода, что становится уместным вопросом: с одним ли и тем же процессом мы имеем дело?

Антиимперская риторика XX в. ослабила наше внимание к собственно имперскому дискурсу, описывающему эти проблемы, к системе обоснований экспансии, заставляя видеть в ней лишь камуфляж захватнических намерений и действий. В действительности все обстоит значительно сложнее. Имперская экспансия представляет собой сложномотивированный и полный внутренних противоречий процесс. Она является не только продуктом взаимодействия как субъекта, так и объекта, за счет которого осуществляется это расширение, иногда она предстает перед нами как процесс, осуществляемый как бы помимо воли ее гипотетических организаторов. Разумеется, мы говорим об этом не с целью оправдать имперскую экспансию как таковую. Однако ее необходимо осмыслить (суть, мотивы, противоречия), поскольку без этого невозможно понять как процесс пространственного конструирования российского государства, так и феномен его относительной устойчивости, отчетливо проявляющийся до настоящего времени.

Отечественная история второй половины XVIII в. дает нам очень многое для понимания экспансии как феномена и проблемы. В период правления Екатерины II Россия существенно расширилась в западном (за счет Речи Посполитой) и южном (за счет Османской империи) направлениях. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть один из ключевых моментов российской внешней политики – поглощение Крымского ханства как один из характерных и вместе с тем все еще не достаточно осмысленных примеров имперской экспансии.

I

Взгляд на мотивацию действий России относительно Крыма в отечественной историографии за более чем двухсотлетний период проделал существенную эволюцию. Историки – современники Екатерины приветствовали окончательное освобождение Европы от варваров, положив тем самым начало смещения трактовок причин и результатов русской экспансии. С развитием позитивистских взглядов на историю трактовка русской политики относительно Крымского ханства приобрела более прагматическое обоснование:

наряду с избавлением от вековой угрозы со стороны степи в качестве важнейшей цели России обозначилось ее стремление к морю. Развитие национализма к середине XIX в. превратило это стремление в «национальную миссию России», обозначившуюся со времен Петра Великого, а то и гораздо ранее. Ряд русских историков, рассуждавших о политике Екатерины, не видели в ней ничего нового по сравнению с петровскими интенциями. С. Ф. Платонов, например, полагал, что «Екатерина умела понять исконные задачи русской внешней политики и потому была прямою подражательницей Петра, а за ним и всей старорусской традиции» и что в ее делах ни больше, ни меньше «оживает вековая старина» (Платонов 2006: 911). Издавший с 1885 по 1889 г. четыре тома «Присоединения Крыма к России» и совершивший тем самым безусловный научный подвиг, Н. Ф. Дубровин не оставил нам исторического анализа этого процесса, очевидно, полагая это излишним, ведь он (процесс) был простым отражением некоего «естественного» хода имперского расширения.

Подобный взгляд в каком-то смысле поставил в тупик таких фундаторов исторического знания в России, какими были С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Не то чтобы они возражали против подобного представления об исторических целях России, скорее их можно назвать наиболее яркими его приверженцами, но именно поэтому екатерининская политика на юге казалась им не совсем последовательной. Сквозь строки подчеркнуто беспристрастного Соловьева нет-нет да и проскочит недоумение по поводу малопонятной русской политики, благодаря которой дело присоединения Крыма затянулось более чем на десятилетие (Соловьев 1998: 484). Еще более характерной была в этом отношении позиция Ключевского. В лекции, посвященной этому сюжету, в своем «Курсе русской истории» со свойственным ему мрачноватым остроумием он рисует целую картину вопиющей иррациональности русской экспансии в Причерноморье в эпоху Екатерины. «Вопрос, – писал Ключевский, – состоял в том, чтоб продвинуть территорию государства на юге до естественных пределов, до морей Черного и Азовского, и ни в чем более он не состоял в это время» (Ключевский 1989: 42). Вместо того чтобы прямо решать эту зада-

чу, «неумелость или заносчивость дельцов дали ходу дел иное направление». Не будем пересказывать хорошо известное специалистам описание этого хода Ключевским, тем более что в результате «насуточные вопросы» внешней политики России были все же решены, «хотя с колебаниями, лишними жертвами и отклонениями от прямого пути». Нельзя не заметить, что этот самый «прямой путь», так отчетливо представлявшийся Ключевскому, являлся не чем иным, как популярным концептом последней трети XIX в., а вовсе не второй половины XVIII в. Подобно знаменитому стратегу, Ключевский видел бой не просто со стороны, но и с высоты векового опыта эволюции русских внешнеполитических интересов. С этой позиции реальные факты действительно могли производить впечатление курьезных и не вполне оправданных шагов, однако были ли они таковыми в действительности? Этот вопрос в принципе не мог быть поставлен в эпоху господства априорных представлений о содержании внешней политики государства.

Влияние философско-политической атмосферы на трактовку российской политики на юге (или, как тогда считали, на Востоке) на исторические исследования было чрезвычайно сильно, а к концу XIX в. оно приобрело еще более идеалистический характер.

Это обстоятельство очень четко подметил исследователь русской внешней политики В. А. Ульяницкий, посвятивший свои исследования изучению исторических задач и традиций двух царствований – Петра I и Екатерины II. «Должен сознаться, – писал он, – что ожидания мои в отношении результатов моего первоначально ознакомления с ними не вполне соответствовали моим ожиданиям; оказалось, что вопросы национальный и вероисповедный были еще лишь в зародыше и служили пока одним из средств России в ее стремлении к обеспечению своих ближайших интересов, каковыми были: безопасность русско-татарской границы и экономическое развитие южнорусских окраин того времени» (Ульяницкий 1883: VII). Заметим, что в отличие от своих современников Ульяницкий обошелся даже без упоминания «естественного стремления России к морю» как побудительного мотива русской политики. Открытие Ульяницкого не нашло дальнейшего продолжения – наступил «идеологический» XX в.

Советский период оставил достаточно противоречивое представление о русской экспансии в Причерноморье. На раннем этапе развития советской историографии, формировавшейся в атмосфере ненависти к любым аспектам «царского колониального экспансионизма» и, наоборот, приязни к судьбам «порабощенных народов», присоединение начинает трактоваться как акт колониального захвата, мотивированный исключительно интересами правящих классов. После Второй мировой войны, пробудившей новый русско-советский патриотизм и оказавшейся роковой для крымских татар, эта первоначальная трактовка меняется на прямо противоположную. Хотя объединенная сессия Историко-философского отделения и Крымского филиала АН СССР в Симферополе в 1952 г. и отвергла предложение именовать завоевание Россией Крыма «воссоединением», с тех пор на достаточно длительное время было решено использовать термин «включение» как наиболее полно отражающий «объективный и исторически прогрессивный» характер процесса поглощения Российской империей Крымского ханства. В трактовке Е. И. Дружининой и последующих авторов процесс присоединения предстает как хотя и многоходовый (то есть достаточно сложный), но в целом безальтернативный и «исторически predetermined» (см.: Дружинина 1955). Термин «включение», однако, не прижился в научной литературе, и современные постсоветские исследователи вернулись к дубровинскому «присоединению». За исключением, естественно, тех из них, кто вслед за А. Фишером (Fisher 1973) предпочел называть этот акт «аннексией».

За постсоветское двадцатилетие возникло не так-то много исследований, посвященных этой теме, а среди появившихся большинство было в той или иной степени историко-публицистическими работами, вдохновленными либо стремлением как-то оправдать события XVIII в., либо же, напротив, «заклеймить» тех, кто их осуществлял. Тем не менее в последние годы вышло несколько исследований, в том числе архивных, дающих основу для более комплексного осмысления проблемы российской экспансии как в Северном Причерноморье, так и на других направлениях внешнеполитической активности. Отметим работы В. Н. Виноградова (2001), П. В. Стегния (2002а; 2002б), Г. Я. Аграновского (1991), А. В. Крючкова (2009). Ценные исследования времени генезиса по-

литического проекта присоединения Крыма принадлежат О. Елисеевой (1999) и В. Лопатину (2000). Из западных работ, конечно, нельзя обойти вниманием обширную монографию И. де Мадариага (2002), затрагивающую также и внешнеполитический аспект екатерининского царствования. Прделанная отечественными авторами в последнее время работа позволяет по-новому взглянуть на длительный, сложный и весьма противоречивый процесс ликвидации Крымского ханства и присоединение в 1783 г. Крымского полуострова к Российской империи, который все же в господствующем историческом сознании (как в России, так и за рубежом²), как нам кажется, по-прежнему воспринимается прежде всего как некая «силовая акция», обусловленная «неумолимой» логикой и энергией «империостроительства». В целом же двухсотлетнее пребывание этой темы в научном обороте отечественной и зарубежной исторической науки удивляет одним большим несоответствием, а именно – огромным корпусом опубликованных архивных материалов по теме, с одной стороны, и отсутствием сколько-нибудь обширной монографии по этому вопросу – с другой. Рискнем предположить, что история покорения Крыма до сих пор не была написана потому, что она не представляла собой историографической проблемы, как, впрочем, не представляет собой научной проблемы и история территориальных утрат современной России. Основная мысль, которую мы хотели обосновать в настоящей статье, заключается в том, что присоединение Крыма в 1783 г. было скорее результатом неудачи определенной русской системы решения внешнеполитических проблем на Юге, чем заблаговременно рассчитанным успехом, и хотя в дальнейшем приобретение территории Крымского ханства послужило существенному усилению империи, для конца XVIII в. эту акцию следует рассматривать как вынужденную, осуществленную в большей степени под влиянием обстоятельств, нежели геополитических расчетов.

II

Прежде чем перейти к рассмотрению существа дела, следует хотя бы вкратце остановиться на характеристике «южного вектора» российской политики. Под влиянием роковой для империи «кон-

² Наиболее ярким примером здесь является коллективная монография турецких авторов: Исханоглу 2006.

стантинопольской мечты», возоблававшей в общественном мнении с середины XIX в., в нашей литературе существует и пользуется популярностью представление о «вековечном» стремлении России к Черному морю, о не дававшем русским государям со времен Иоанна Грозного покоя миссии «доведения России до ее естественных границ» и т. д. В действительности в отличие от западного и восточного (сибирского) направлений русской политики и экспансии «южные» интересы были долгое время весьма неопределенными. Первоначально это было связано с тем, что до середины XVII в. Россия здесь почти исключительно оборонялась, но и ощутив возможности для расширения, она воспринимала Юг как периферию своих интересов. Впервые мысль о том, что от оборонительной позиции на юге нужно переходить в наступление, формулирует прибывший при Алексее Михайловиче хорват Юрий Крижанич, который, собственно, и формулирует в отечественной литературе идеологию «южной экспансии». Однако эта идеология была настолько необычна для тогдашней московской государственной канцелярии, что она осталась практически неизвестной и была заново открыта лишь в XIX в. Идея «броска на юг» была сугубо западным концептом. Европа в это время была озабочена отражением турецкой агрессии, и славянский (и католический) националист Крижанич всеми силами старался вовлечь Россию в эту европейскую проблему. Он сформулировал идею базового союза России и Польши и расписывал выгоды освобождения Причерноморья от татар – политические и торговые. Он даже предлагал перенести столицу в Крым, однако сам окончил свои дни в тобольской ссылке как католический агент, а его книга не привлекла сколько-нибудь значительного внимания.

Вступление Москвы в антитурецкую лигу при Софье было связано не с осознанием необходимости продвижения на Юг, а с желанием уладить польские дела при помощи Запада, что можно было сделать лишь оказав определенные услуги последнему в борьбе с турками. По известному свидетельству С. М. Соловьева, молодой Петр не испытывал поначалу никакого желания следовать союзническим обязательствам Священной лиги. Он мечтал о Балтике, но в качестве ближайшей задачи рассматривал активизацию мореплавания на Каспии. Идею вместо этого совершить поход для захвата Азова предложил Лефорт, аргументировав ее необходимостью на-

кануне планируемого им большого посольства совершить что-нибудь значимое в глазах союзников. Азов для Петра был прежде всего пиар-акцией перед выходом на европейские подмостки. Прутский поход Петра спустя десятилетие был также скорее продолжением его западной, а не началом самостоятельной южной политики. Он диктовался в первую очередь желанием окончательно повергнуть Карла XII, укrywшегося в Порте. Последующие государи, в частности Анна Иоанновна, не слишком интересовались Югом, даже победы Миниха и Ласси ничуть не подвигли окружение императрицы настаивать на обеспечении России свободного плавания по Черному морю. Хотя русская дипломатия уже при Петре заговорила о формальных претензиях на Крым (точнее, на обеспечивавшую навигацию между Черным и Азовским морями Керчь), это преподносилось главным образом в качестве требования, от которого следует отказаться в пользу более реальных при дальнейшем ведении переговоров. То же самое произошло на Белградском конгрессе 1739 г. О приведении Крыма к «русскому господству» (и даже о захвате Константинополя) рассуждал и Б. Х. Миних в начале русско-турецкой войны 1736–1739 гг., однако это скорее выражало личный энтузиазм полководца, а не намерения государственной власти. Более или менее отчетливое представление о русских интересах в Причерноморье сложилось лишь к моменту восшествия на престол Екатерины II. Образцом этого взгляда можно считать записку М. И. Воронцова «О Малой Татарии», которая была представлена императрице Екатерине вскоре после ее восшествия на престол 6 июля 1762 г. «Полуостров Крым местоположением своим настолько важен, – говорилось в документе, – что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда будет страшен для России, а напротив того, когда бы находился под Российской державою, или бы ни от кого независим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью» (Воронцов 1916: 66). В ходе дальнейших событий Екатериной был избран второй вариант, и не случайно.

Философия империостроительства эпохи Просвещения и националистический империализм XIX в. при существовании несо-

мненной преемственности представляют собой все же различные явления. «Империализм» екатерининского правления можно назвать «империализмом контроля» в противовес «империализму расширения», восторжествовавшему впоследствии. Идеологом этого подхода среди окружения Екатерины был граф Н. И. Панин. И его «Северная система», и стиль решения целого ряда внешнеполитических проблем покоились на определенном представлении о европейском равновесии, которое должно соблюдаться не посредством убирания с «шахматной доски» (воспользуемся этим термином современной геополитики) тех или иных фигур, а строгого соблюдения правил взаимоотношения между ними. И в Курляндии, и в Польше екатерининская Россия искала влияния и контроля, а не прямых территориальных приобретений. Аналогичный подход превалировал и на Юге. Мечтой Панина здесь было вдохнуть жизнь в такие автономные турецкие образования, как Молдавия, Валахия и Крым, чтобы, дав им формальную независимость, с помощью этого буфера отделить территорию Порты от России. Этот вопрос встал, что называется, ребром с началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В октябре 1769 г. Екатерина отправила командующему 2-й армией, защищавшей русскую границу со стороны Крыма, графу П. И. Панину (брату канцлера) рескрипт, где говорилось: «Мы заблагорассудили сделать испытание, не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства» (Записка... 1878: 452).

Эта политика более или менее неуклонно проводилась Россией вплоть по крайней мере до 1781 г., когда определенные внешнеполитические перемены сделали невозможность ее осуществления очевидной.

Не вполне отражает реальное положение дел и широко распространенное представление о том, что экспансия России в крымском направлении носила односторонний характер и диктовалась лишь враждебными отношениями между Крымом и Россией. Как известно, взаимоотношения между Портой и Крымским ханством были далеко не безоблачными и начиная по крайней мере с первой четверти XVII в. ханы время от времени пытались освободиться от османского сюзеренитета и искали тех внешнеполитических парт-

неров, на которых можно было бы опереться. С начала XVIII в. в качестве такого партнера рассматривалась Российская империя. Известно, что хан Девлет-Гирей искал возможности союза с Петром и даже зондировал перспективы перехода под протекторат России (см. об этом: Артамонов 2001). Учреждение российского консульства в Крыму в 1763 г. также, вероятно, было связано с возможностью перехода хана Крым-Гирея под российский протекторат, во всяком случае, изучение этого вопроса вменялось русскому консулу Никифорову. Несомненно, в крымском ханстве имелись круги, которые связывали свое будущее не с дряхляющей Оттоманской Портой, а с набирающей силу Российской империей, и на эти-то круги и решило опереться русское внешнеполитическое ведомство для решения крымской проблемы. Одной из самых ярких и характерных фигур в этом отношении был мурза Якуб Рудзевич, проделавший путь от приближенного ханского чиновника до важнейшего агента российского влияния и крупного российского помещика. Пророссийский коллаборационизм был отнюдь не исключительным явлением в среде крымской и ногайской аристократии, а важнейшим фактором, создававшим притяжение этих двух не равных по «объему» политических организмов³.

III

Татарская неготиация. Панинский проект был одобрен на заседании Государственного совета в марте 1770 г. «Совет рассуждал и обще согласился», что Крым и другие «под властью хана находящиеся татары» по их свойству никогда не будут полезными подданными ее императорского величества. Во-первых, потому что «никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут», а во-вторых, потому, что «к обороне границ (они – татары) служить не будут» (Архив... 1869: 43–44), поскольку с замирением степняков и обороняться уже будет не от кого. К тому же, стремясь присоединить эти территории, Россия «может вызвать против себя общую и небезосновательную зависть и подозрение

³ Аналогичное, впрочем, происходило повсеместно. Шлэзингер ссылается на исследования двух британских историков Р. Робинсона и Д. К. Филдхауза, которые считали имперское правление «невозможным без коллаборационизма туземцев» (Шлэзингер 1992: 231).

в беспредельном намерении умножения своих областей» (Архив... 1869: 43–44). С учетом всех этих резонов было постановлено, что гораздо полезнее будет не присоединять завоеванные у турок земли, а создать из них независимое, находящееся под российским протекторатом государство. «Как мало России пользы от подданства сего полуострова с подчиненными ему другими татарскими ордами, – говорилось на заседании Госсвета, – так напротив того велико и значительно может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда в независимости» (Там же).

Главная роль в отторжении Крымского ханства от Османской Порты была отведена ногайским ордам – Едисанской, Буджакской, Едичкульской и Джамбойлуцкой, кочевавшим главным образом в Северном Причерноморье и считавшимся подданными крымского хана. Впрочем, подданство это было большей частью номинальным. Ногайцы сохраняли свободу управления, но крымские ханы и претенденты на ханский престол стремились заручиться поддержкой ногаев. Первоначально было решено склонить эти орды к отторжению от Турции. Для этого при командующем 2-й армией П. Н. Панине была создана так называемая татарская комиссия, служащие которой получали жалованье из средств Коллегии иностранных дел. Комиссия развернула широкую деятельность, и с опорой на вооруженные силы ей удалось в 1770 г. склонить Едисанскую и Буджакскую орды к принятию российского покровительства и отселить их в северо-кубанские степи. Вторым актом «татарской неготиации» стало вторжение в Крым русских войск под командованием В. М. Долгорукова, который изгнал турецкие гарнизоны и начал проводить переговоры с новым крымским ханом о независимости. Для обеспечения этой независимости и выхода к морю Россия требовала у хана уступить ей две крепости – Керчь и Еникале, прикрывавшие выход из Азовского моря. Осенью 1772 г. после длительных переговоров представитель России слободской губернатор А. Е. Щербинин и Хан Сахиб-Гирей подписали так называемый Карасубазарский трактат, который утвердил существование формально независимого Крымского ханства и вывел Россию к Черному морю.

Начало переговоров наглядно продемонстрировало то, как Петербург видел существо своих взаимоотношений с Крымом. Щербинину надлежало торжественно передать Сахибу саблю и перо – именно такие инсигнии каждый новый хан получал от Порты. Сахиб, однако, воспротивился таким знакам подчинения. Щербинин настаивать не стал и в дальнейшем старался вести себя с ханом как с независимым владельцем. В русских документах новый субъект международного права получил официальное наименование «Вольная татарская область». Это название в противовес термину «государство» или «держава» отражало не столько его полуавтономный характер по отношению к России, сколько существовавшую неопределенность во взаимоотношениях Бахчисарая и ногайских орд, гордившихся своей самостоятельностью в рамках ханства.

Высадка в 1774 г. турецких войск в Крыму и мятеж сторонников протурецкой ориентации не изменили намерений России поддерживать очередного, то есть выбранного знатью, крымского хана, однако когда крымский престол занял в 1775 г. противник России Девлет-Гирей, Екатерина стала рассматривать альтернативные сценарии.

Шагин-Гирей. Переговоры о заключении Карасубазарского трактата воочию показали причину трудностей, с которыми столкнулась Россия в продвижении своих интересов в Крыму. В огромной степени эти трудности были связаны с процессом принятия решений при ханском дворе. Уступка крепостей не могла решиться самим ханом, для этого требовалось одобрение Дивана, состоявшего из представителей крымской и ногайской знати. Последние же по разным причинам – одни из враждебности к русским, другие в надежде получить от них материальное вознаграждение за помощь – препятствовали вынесению какого-либо определенного решения. Уже на стадии подготовки трактата стало ясно, что «феодальная демократия», расчетливо поддерживавшаяся турками в течение длительного времени, не дает возможности осуществления русских интересов. Именно поэтому Екатерина II в 1777 г. пошла на поддержку бывшего калги (брата Сахиба) Шагин-Гирея, который восходил на крымский престол, неся идею замены прежнего выборного правления наследственным. Став ханом с помощью русских войск, что поставило Россию и Османскую империю на порог

новой войны, Шагин начал проводить весьма радикальные реформы, касавшиеся как управления страной, так и ее вооруженных сил. Эти реформы привели в 1778 г. к восстанию его подданных, в которое не замедлила вмешаться Турция.

Драматическая фигура Шагин-Гирея, положение которого чем-то напоминало положение польского короля Станислава Понятовского, до сих пор еще не стала предметом специального исследования. Обоих венценосцев «делала» Екатерина, но Шагин не был татарским вариантом Понятовского. От своего польского собрата он отличался вспыльчивым и решительным характером и большими амбициями. Отличие существовало и в подходе России к одному и другому – в Польше империя всячески препятствовала усилению короны, в Крыму, напротив, поддержала «самодержавный» и наследственный, а не выборный образ правления. Результаты в обоих случаях, однако, оказались сходными. Оба правителя были в конце концов «раздавлены» между империей своих новых сюзеренов и своими собственными подданными, которым они искренне желали добра, но принесли несчастья.

Выселение христиан. Ключевую роль в понимании как сути российской политики относительно Крымского ханства, так и ее внутренней противоречивости играет факт выселения в 1778 г. с территории полуострова местных христиан – греков и армян. Эта акция, осуществленная А. В. Суворовым, долгое время ставила в тупик как современников, так и более поздних исследователей. Считается, что, выселяя христиан, Екатерина стремилась подорвать экономическую основу Крымского ханства, сделав еще один шаг к его присоединению. Однако новейшие исследования опровергают подобную трактовку развития событий. Если Россия осуществляла долговременную политику аннексии территории ханства, то ей не было никакого резона выселять перед присоединением 32 тыс. христиан, которые были основным элементом, поддерживавшим здесь российское присутствие⁴. Эта акция приобретала смысл только в том случае, если присоединение не рассматривалось как ближайшая или даже среднесрочная перспектива. Здесь, безусловно, был

⁴ По этому поводу недоумевал и командующий Крымским корпусом князь А. А. Прозоровский, вскоре смещенный за «нерасторопность» А. В. Суворовым.

прав Г. В. Вернадский, еще в 1920 г. говоривший, что «присоединение Крыма к России не считалось единственным естественным выходом из положения даже в 1778 г.» (Вернадский 1920: 111). В действительности идея переселения христиан родилась в военной канцелярии П. Н. Румянцева в разгар антишагиновского мятежа в Крымском ханстве и угрозы нового турецкого десанта. Именно с целью не допустить возможности снабжения турецких войск в случае их высадки за счет местного христианского (то есть земледельческого) населения и была предпринята акция по его поголовной эвакуации из Крыма. Вполне вероятно и то, что, как предполагает И. де Мадариага, «выгода от привлечения большой группы поселенцев-христиан на южнорусские территории скоро заслонила собой первоначальную причину переселения...» (Мадариага 2002: 604).

Выселение христиан, однако, действительно имело своим результатом подрыв позиций Шагин-Гирея, хотя не в этом заключался первоначальный план. Именно поэтому он в полной мере отражает внутреннюю противоречивость русской политики. Стремясь к лояльной к себе власти Шагин-Гирея и заявляя о ее укреплении, Россия из военно-стратегических соображений скорее расшатывала его позиции, не переставая, впрочем, обнадеживать и субсидировать его правление. Выселение христиан, единственных земледельцев и ремесленников на полуострове, делало существование независимого Крыма весьма проблематичным, хотя еще в течение нескольких лет Россия продолжала следовать именно этому курсу, подтверждением чего стала Айналы-Кавакская конвенция, заключенная с Портой в 1779 г. и подтвердившая существующий статус Крыма.

Нельзя сказать, что в головах отдельных военных и политических деятелей не возникали мысли о том, чтобы вместо попыток строительства в Крыму российского протектората перейти к иной, более решительной политике. Тот же Г. В. Вернадский еще в начале прошлого века опубликовал довольно развернутый проект, принадлежавший, по-видимому, двум известным дипломатам – П. И. Левашову и А. А. Безбородко, полагавшим, что «независимость татар в Крыму ненадежна для нас, и надо помышлять о присвоении сего полуострова» (Григорович 1879: 444). На основании

этих документов некоторые исследователи склонны делать вывод о том, что империя переходит к иной политике около 1778–1779 гг., но не следует забывать, что здесь мы имеем дело только с частным мнением даже не самых высокопоставленных дипломатов (взлет Безбородко состоится позже), а не с некоей, пусть даже закамуфлированной, официальной линией. Последняя же была в полной мере подтверждена в Айналы-Каваке.

«Греческий проект» и крымская проблема. В свое время советской исследовательницей О. Марковой была высказана следующая точка зрения: так называемый «Греческий проект» Екатерины II представлял не что иное, как камуфляж планируемого завоевания Крыма (см.: Маркова 1958). Недавние исследования не подтвердили это мнение. В частности, при изучении переписки Екатерины II и Иосифа II выяснилось, что проект присоединения Крыма сложился у русской императрицы в ходе работы над предложениями Иосифу II (см.: Елисеева 1999); таким образом, решение покончить с Крымским ханством не предшествовало и определяло русскую политику относительно союза с Австрией, а скорее напротив, наметившееся русско-австрийское сближение заставило Россию уточнять представление о собственных целях и интересах на Юге, проводить, так сказать, неутешительную в случае Крыма ревизию своих политических активов. Кстати, следует отметить, что сам по себе «Греческий проект» в том изложении, которое он получил в переписке Екатерины II и Иосифа II, также со стороны России не предусматривал прямых аннексий. Новые государства, которые должны были возникнуть на территории Османской Турции, – Даккия и Греческое царство – мыслились как независимые государства, находящиеся под своего рода «международным протекторатом» России и Австрии.

Российская политика относительно Крыма проделала весьма существенную эволюцию, прежде чем привести к поглощению его территории. С конца 1760-х до 1777 г. это была политика поддержки любой лояльной России власти в Крыму, с 1777 г. Санкт-Петербург переходит к поддержке своего вполне определенного ставленника – Шагин-Гирея. Лишь когда крах его попыток удержаться у власти и реформ становится очевиден, а Панин как архитектор российской внешней политики уступает свое место Потем-

кину, Екатерина приходит к пониманию неизбежности присоединения Крыма.

Манифест 8 апреля 1783 г. Один из исследователей интересующей нас проблемы отмечал, что, по существу, Манифест 8 апреля 1783 г. никогда не становился объектом отдельного исследования. Его скорее воспринимали как документ, призванный закамуфлировать истинные намерения России и не представляющий ничего, кроме обычной в таких случаях риторики. Между тем как никакой другой документ он проливает свет на стилистику имперской политики Екатерины II. Манифест был адресован прежде всего западным государствам и представляет собой объяснение того резкого поворота, который совершила империя, фактически в нарушение Кючук-Кайнарджийского мира и Айналы-Ковакской конвенции. Он, этот поворот, был объяснен: а) необходимостью раз и навсегда устранить причины «остуды» между Османской и Российской империями, вызванной, в свою очередь, неспособностью крымских татар к самостоятельному правлению, что выразилось в нескольких мятежах против законных ханов; б) желанием вознаградить себя за понесенные издержки, «простирающиеся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки» (Манифест... 1908: 89). В принципе документ дает достаточно полное представление о мотивах, которыми руководствовался российский двор, покушаясь на статус Крыма, и описывает те трудности, с которыми столкнулась империя, проводя свою политику на Юге. Но в нем есть одна важная деталь, которая дает возможность (и впоследствии так и произошло) интерпретировать русскую политику несколько иначе. Манифест начинается следующим пассажем: «В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия нашего давали нам полное право оставить в пользу нашу Крым, в руках наших бывший, мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к разпрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии» (Там же).

Екатерина представляет дело так, что проект «татарской независимости» был продуктом исключительно доброй воли России, в какой-то степени поступавшейся своими интересами, и «принятие Крыма под державу нашу» есть только восстановление спустя 12 лет неотъемлемого права завоевания. Таким образом, присоединение представляется как результат своеобразной «мягкой силы», якобы употребленной империей в разрешении проблем на Юге, дескать, Екатерина могла, но с самого начала не хотела радикального решения проблемы Крымского ханства, надеясь на благоразумие и склонность к сотрудничеству со стороны своих новых политических партнеров. Мы видели, что это было не так, и инкорпорация Крыма с самого начала не рассматривалась Екатериной и Государственным советом как «рабочий проект» не в силу доброй воли, а по иным причинам. Однако резкое изменение первоначальной политики должно было подкрепляться не только объяснением политической необходимости, но и демонстрацией великодушия. Хотя в ходе осуществления военно-политических проектов России в этот период элементы *soft power* неоднократно использовались (чего стоит, например, «ногайская негоциация»), все же видеть в действиях империи загодя рассчитанную и взвешенную политику «присоединения через вовлечение» было бы большим преувеличением. Напротив, политика по отношению к Крыму в значительной степени была результатом экспромтов и стечения обстоятельств, а не расчета и тем более прагматического великодушия.

Интересно отметить также, что в манифесте начисто отсутствует какая бы то ни было историческая (в том числе и культурно-религиозная) мотивация присоединения, ставшая столь популярной в XIX и XX вв. Россияне изобретают «Гавриду» не до, а уже после ее попадания в орбиту имперского освоения, что также не свидетельствует в пользу существования некой «вековой мечты», сутью которой было бы поглощение причерноморских территорий.

Выводы

С 1771 по 1782 г. Россия реализовывала относительно Крыма совершенно иной сценарий, нежели тот, что привел в 1783 г. к ликвидации Крымского ханства. Этот сценарий состоял в осуществлении проекта создания подконтрольного России, но формально не-

зависимого Крымского ханства. На пути его реализации, однако, российская дипломатия и государственная власть столкнулись с таким количеством трудностей, что вынуждены были менять способ действий.

Эти трудности касались нескольких важных моментов. Прежде всего элита крымского ханства была совершенно не готова к каким-либо конструктивным действиям в новых политических условиях, в которых она оказалась. Это касалось как антирусского крыла, игнорировавшего Карасубазарский трактат и пытавшегося вернуть Крым под сюзеренитет Порты, так и прорусского, возглавляемого Шагин-Гиреем, который начал радикальные и необдуманные реформы, восстановившие против него население ханства.

К решению ликвидировать Крымское ханство Россию подталкивало и сближение с Австрией, предполагавшее дальнейшие наступательные действия против Турции и вследствие этого требовавшее более четкого определения своего положения в бывших османских владениях, ставших подконтрольными России.

Смена общей конфигурации российской внешней политики и изменения на ее южном направлении не обошлись без определенной борьбы. Н. И. Панин, противник этих изменений, вынужден был уйти в отставку в 1782 г. Русскую внешнюю политику стали определять Г. А. Потемкин и его ближайший сподвижник А. А. Безбородко. Судя по некоторым замечаниям Екатерины II, сделанным уже во время ее путешествия в «полуденную Тавриду», решение о присоединении Крыма имело довольно сильное противодействие в правительственных кругах, и Екатерина отдавала должное воле и настойчивости, которые Потемкин проявил в преодолении этих негативных настроений.

Таким образом, присоединение Крыма в 1783 г. не было результатом заранее спланированной и обдуманной стратегии, осуществлявшейся пошагово. Так же, как и разделы Польши, оно явилось результатом неудачи предшествовавшего политического проекта устройства дел. В этой неудаче не следует винить только сложные обстоятельства, складывавшиеся на Юге, или неспособность крымской элиты к действиям в новых условиях. Отдельные действия российских военных властей также не способствовали стабилизации ситуации и объективно подрывали возможности для

осуществления русских стратегических замыслов (как, например, акция по выселению христиан, которая впоследствии стала трактоваться прямо противоположным образом). В известном смысле, панинский проект в Крыму и не мог быть реализован, поскольку требовал самостоятельности и дееспособности местной власти, в то время как интересы контроля диктовали необходимость сохранения слабого правления. То есть проект независимого Крыма был внутренне противоречив и заранее обречен на неудачу, однако это не свидетельствует о том, что он с самого начала воспринимался русскими как фикция или временная мера. Прошло достаточно много времени, прежде чем он продемонстрировал свои слабые стороны. Но не будучи заранее спланированной и нацеленной на тот результат, который оказался окончательным, русская политика не была «ломаной» и непоследовательной, то есть такой, как ее воспринимали Соловьев, Ключевский и Вернадский. Она просто исходила из иного понимания смысла имперского расширения. Уже в начале своего царствования императрица сформулировала важный принцип своей политики. В циркулярной ноте от 13 ноября 1763 г. говорилось: «Намерения нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться о расширении империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга». Это не было просто миролюбивой риторикой, призванной скрыть истинные намерения. Другое дело, что этому принципу оказалось невозможно следовать, и вторая половина XVIII в. была весьма богатой на прямые территориальные приобретения.

Екатерининское царствование (разделы Польши и присоединение Крыма) – это время, когда один тип империализма сменяется другим. Назовем первый феодальным, поскольку он был основан на известном уважении к династическим правам ослабевших суверенов. (Мы говорили о нем также как об империализме «контроля» и «протектората».) Второй можно назвать националистическим, при котором стабилизация в тех или иных слабых приграничных государствах осуществлялась посредством аннексии их территории империей. В условиях нарастания противостояния крупных европейских государств принцип вассалитета (который прекрасно действовал в отношении Крыма и Османской империи) перестает ра-

ботать и вследствие этого сменяется новым. Растущая конкуренция между европейскими империями приводит к тому, что они более не могут позволить себе существование между ними «разреженных пространств», пограничных территорий, где их контроль слабее, чем в других местах. Протектораты более не обеспечивали стабильность на границах. Именно за эти «пустые» территории и начинается борьба европейских государств. Эта смена парадигм происходит не в одночасье, она несет в себе драматические извывы и противоречия. История присоединения Крыма (наряду с ликвидацией Гетманщины и Запорожья, а также разделами Польши и присоединением Курляндии) и является историей этой смены.

Интересно, что современный мир в какой-то степени возвращается к «империализму протекторатов». Как написал в одной из своих книг популярный американский политолог Ф. Фукуяма, в прошлом империи решали проблему стабильности на своих границах, присоединяя территории. Теперь же в условиях кризиса «классического империализма» перед «сильными игроками» вновь встает проблема создания на зависимых территориях одновременно управляемых и дееспособных (то есть относительно самостоятельных) режимов (Фукуяма 2009: 200). США непосредственно сталкиваются с этой проблемой в Ираке и Афганистане, Россия стоит перед той же дилеммой в своих автономиях на Кавказе. В этой связи пусть и негативный, но вполне солидный опыт XVIII в. может оказаться вполне востребованным сегодня.

Литература

Аграновский, Г. Я. 1991. К вопросу об освещении в русской и советской историографии политики России в отношении Крымского ханства в XVIII веке и присоединение Крыма к России. *Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября)*. Вып. 2. Симферополь.

Артамонов, В. А. 2001. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом. *Славяне и их соседи*. Вып. 10. М.: Наука.

Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб., 1869.

Вернадский, Г. В. 1920. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (из Тавельского архива В. С. Попова). *ИТУАК* 56.

Виноградов, В. Н. 2001. Дипломатия Екатерины Великой. *Новая и новейшая история* 6: 109–136.

Воронцов, М. И. 1916. О Малой Татарии. *ИТУАК* 53.

Григорович, Н. 1879. *Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко*. Т. 1. СПб.

Дружинина, Е. И. 1955. *Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение)*. М.: Изд-во АН СССР.

Дубовицкий, В. В. 2010. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу. *История и современность* 2: 86–111.

Елисеева, О. 1999. «Разве мы кому спать помешали?» Греческий проект Потемкина и Екатерины II. *Родина* 5: 46–52.

Записка, каким образом предводителем второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое Российско-императорским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарских орд против нынешнего их подданства (1770). *Русский архив*. 1878. Кн. 3. Вып. 12.

Мадариага, И. де. 2002. *Россия в эпоху Екатерины Великой*. М.: НЛЮ.

Исханоглу, Э. (ред.) 2006. *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. 1. М.: Вост. лит-ра.

Ключевский, В. О. 1989. Курс русской истории. Ч. 5. В: Ключевский, В. О., *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 5. М.

Крючков, А. В. 2009. *Присоединение Крыма к России: последняя треть XVIII – начало XIX вв.* Саратов.

Лопатин, В. С. 2000. Новое о планах князя Г. А. Потемкина по присоединению Крыма к России. *Москва – Крым: историко-публицистический альманах*. Вып. 2. М.

Манифест императрицы Екатерины Великой о присоединении Крыма, Тамани и Кубанской земли к России. 1908. *ИТУАК* 42.

Маркова, О. П. 1958. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.). *История СССР* 4: 52–78.

Платонов, С. Ф. 2006. Столетие кончины императрицы Екатерины II. *Екатерина II: pro et contra* / сост., прим., вступ. статья С. Н. Искуля. СПб.: РХГА.

Соловьев, С. М. 1998. *История России с древнейших времен*. К. XIV. Т. 27–28. М.

Стегний, П. В.

2002а. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России. *Новая и новейшая история* 4: 100–118.

2002б. *Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795*. М.: Международные отношения.

Ульяницкий, В. А. 1883. *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в.* М.

Шлёзингер, А. М. 1992. *Циклы американской истории*. М.: Прогресс.

Фукуяма, Ф. 2009. *Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в.* М.

Fisher, A. 1973. *The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783*. Cambridge: Cambridge University Press.